

ПРОТИВ РЕЛЯТИВИЗМА: ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ В ПОИСКАХ УНИВЕРСАЛИЙ

Вархотов Тарас Александрович – кандидат философских наук, доцент. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1; e-mail: varkhotov@gmail.com

В статье представлены возражения против сближения исторической эпистемологии с релятивизмом и защищается тезис о независимости социокультурного генезиса и когнитивной ценности эпистемологических объектов, а также высказывается предположение о возможности реализации исторической эпистемологии в качестве проекта поиска эпистемологических универсалий.

Ключевые слова: историческая эпистемология, наука, универсализм, знание

CONTRA RELATIVISM: HISTORICAL EPISTEMOLOGY IN SEARCH OF UNIVERSALS

Taras Varkhotov – PhD in Philosophy, associate professor. Lomonosov Moscow State University. 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: varkhotov@gmail.com

In the article the author presents an argument against the convergence of historical epistemology with relativism and defend the independence of epistemic objects' cognitive value from their socio-cultural genesis. The author make an assumption of the possibility of realization of historical epistemology as a project of search for the epistemological universals.

Keywords: Historical Epistemology, science, universalism, knowledge

Я бы хотел сосредоточиться на трех тезисах Л.В. Шиповаловой, которыми, разумеется, вовсе не исчерпывается ее позиция, но которые представляются мне принципиальными как для обсуждаемой статьи, так и для проекта исторической эпистемологии как некоторой возможной исследовательской практики.

Первый тезис с некоторым упрощением может быть сформулирован следующим образом: историческая эпистемология есть форма самоопределения в системе координат «европоцентричный объективизм и универсализм – культурный релятивизм».

Прежде всего, необходимо обратить внимание на то, что «объективизм», «универсализм» и «европоцентризм» – совершенно разные вещи, которые не обязаны идти в связке, хотя на определенном этапе развития исследований знания они такую связку образовывали. Демонстрация исторической изменчивости семантики и регулятивного применения понятия «объективность», весьма убедительно проделанная разными исследователями [Megill, 1994; Daston, Galison, 2007], практически не затрагивает универсализма как теоретической установки на поиск значимых инвариантов (хотя вскрывает существенные сложности в ее реализации и требует осторожности в обращении с обнаруженными на этом пути «находками»).

Что же касается европоцентризма, понимаемого в данном случае как безусловное предпочтение европейской науки и принятие ее за эталон научности как таковой, то здесь всего лишь нужно избавиться от путаницы, связанной с термином «наука». Конечно, если под «наукой» понимать «хорошее знание», то претензии европейской интеллектуальной культуры обладать монопольными правами на него выглядят дискриминационными по отношению к иным формам знания. Однако слово «наука» давно уже обозначает вполне конкретную историческую форму интеллектуальной культуры, – собственно, как раз европейскую интеллектуальную культуру Нового времени, с опытно-экспериментальным естествознанием в качестве эпистемологического и исторического ядра.

Вопрос о «научности» или «ненаучности» в такой ситуации, действительно, привязан к конкретной исторической форме интеллектуальной культуры и решается на основании установления 1) изоморфизма имплицитной эпистемологии претендующей на признание формы знания эпистемологической структуре новоевропейского интеллектуального проекта и 2) признания продуктивной автономии соответствующего поля в структуре социального поля науки (и, опосредованно, культуры в целом) со стороны «ключевых стейкхолдеров» (прежде всего – самих ученых, а также инвесторов, органов власти и т. д.) [Бурдые, 2005, с. 498-504]. И этот вопрос вовсе не предполагает дискриминации других, «ненаучных» форм знания, что подтверждается примерами весьма успешной институционализации психоанализа, не имеющего статуса науки, растущей социальной популярностью религиозных форм знания или, наконец, столь же выразительным успехом нетрадиционных форм медицины.

Историческая монополия на научность давно уже не означает эпистемологической монополии на истину, хотя методологам позитивистской традиции удалось довольно убедительно показать, что уровень контроля осведомленности о характере своих отношений с реальностью у научных (европейских) форм знания беспрецедентно высок, чем, как правило, и обосновывается особый статус европейской интеллектуальной культуры.

Обращаясь ко второму полюсу представленной выше в первом тезисе оппозиции, мы обнаруживаем в качестве альтернативы «научному универсализму» «культурный релятивизм», что отсылает нас ко второму принципиальному тезису Л.В. Шиповаловой – методологическому требованию «принятия всерьез тезиса релятивизма о многообразии и равенстве познавательных позиций».

В этой формулировке союз «и» представляется, как минимум, необязательным. Допущение (исторического) многообразия познавательных позиций в настоящее время является «истиной факта», – типичным примером может служить точка зрения С. Шейпина, который считает

«само собой разумеющимся, что всякая наука имеет свою историческую локализацию, а значит, и социальные рамки и может быть понята только в контексте своего возникновения» [Шейпин, 2012, с. 325].

Переключение фокуса внимания с готовых результатов и «лучших образцов» на повседневное воспроизводство и инфраструктурные механизмы науки, ставшее отправной точкой для конструктивистской революции в науковедении в последней четверти XX в., заставило обратить внимание на тесное переплетение идей, репрезентаций и практик. Это привело к изменению представлений об устройстве и «материи» науки и, соответственно, о предметности науковедческих исследований, которые теперь должны иметь дело со сложной сборкой (assemblage) «объект-репрезентация-практика» [Stengers, 1997, p. 204], описывающей структуру подвижных, не устойчивых, историчных объектов, причины существования и механизмы стабилизации которых выходят далеко за рамки классической дихотомии «истинное/ложное» [Law, 2004].

Именно к поиску таких причин и механизмов призывал приступить исследователей науки еще 40 лет назад Д. Блур своей «сильной программой». Однако он же совершенно ясно показал, что принятие многообразия и стратегии его каузального объяснения вовсе не предполагает какой-либо конкретной содержательной оценки элементов этого многообразия – наблюдаемое состояние знания как предметного поля аналитика и наличие причин у этого наблюдаемого состояния ничего не говорит о когнитивной ценности содержимого этого поля [Bloor, 1976, p. 14].

Поэтому признание историчности и многообразия форм знания вовсе не предполагает релятивизма в смысле отказа от оценки качества этих форм и перехода к той или иной версии «методологического анархизма». Мы вполне можем признавать и объяснять наличный плюрализм, не принимая тезиса о равной ценности его элементов и о принципиальном отсутствии вертикальной организации, чисто горизонтальном упорядочении наличных эпистем.

И здесь мы подходим к третьему тезису – об исторической эпистемологии как политике обучения «слушанию несогласных» и допуска к консенсусу всех, кто «готов к разговору». Этот тезис наглядно иллюстрирует идею Дж. Дюпрэ о невозможности морально нейтрального знания [Dupré, 2012] – историческая эпистемология обнаруживает здесь свое морально-регулятивное измерение. Конечно, идея открытого консенсуса в сообществе, где каждый может быть услышан, а притязания на истину ограничены методологическим скепсисом и внимательным взглядом других участников, выглядит чем-то вроде очень привлекательной платано-кантовской утопии «вечного мира» под управлением философов (воспитанных исторической эпистемологией интеллектуалов).

Однако на практике мы вынуждены вернуться к предыдущему тезису: фактический плюрализм, даже при наличии у него вполне осязаемых исторических причин и культурной укорененности, вовсе не означает равенства участников этого плюрализма в каком бы то ни было смысле. И именно так смотрят на этот вопрос те, кто является фактическим носителем предметности для исторической эпистемологии – представители конкретных наук. Как отметил в своей речи на вручении литературной премии Александра Солженицына выдающийся филолог А.А. Зализняк, «в наши дни, к сожалению, вышли из моды две старые, банальные идеи: 1) истина существует, и целью науки является ее поиск; 2) в любом обсуждаемом вопросе профессионал в нормальном случае более прав, чем дилетант. Им сегодня противостоят новые, гораздо более модные положения: 1) истины нет, есть множество мнений; 2) ничье мнение не весит больше, чем мнение кого-то иного» [Марков, 2010]. Симптоматично, что это лаконичное описание речи знаменитого лингвиста приводит в качестве выражения собственной позиции авторитетный биолог. И здесь уместно будет вспомнить мнение Платона о неизбежности эволюции демократии в тиранию и работы исследователей, отмечающих растущую власть над наукой тех, кто должен обеспечивать в ней гласность и коммуникативное равенство – журналистов [Пэнто, 1996].

В заключение хотелось бы вернуться к тезису основателя исторической эпистемологии, М. Вартофского: историческая эпистемология не может быть «простой историей идей», целью является «выявление связей между познанием и действием, между теоретической и прикладной практикой, между сознанием и поведением» [Вартофский, 1988, с. 20]. С учетом марксистского бэкграунда этого автора, предлагаемый путь ведет отнюдь не к релятивизму и возрастанию роли коллективного консенсуса, а в прямо противоположном направлении – к созданию новых инструментов оценки и сопоставительного анализа различных форм знания через реконструкцию его исторического генезиса и анализа инфраструктурного обеспечения, а также поиску новых инвариантов («универсалий») в рамках обогащенной инструментами анализа практик и комплексных сборок универсальной эпистемологии.

Список литературы

- Бурдые, 2005 – *Бурдые П.* Поле науки // *Бурдые П.* Социальное пространство: поля и практики. М.; СПб., 2005. С. 473–517.
- Вартовский, 1988 – *Вартовский М.* Модели. Репрезентация и научное понимание. М.: Прогресс, 1988. 507 с.
- Марков, 2010 – *Марков А.В.* Рождение сложности. Эволюционная биология сегодня: неожиданные открытия и новые вопросы. М.: Астрель, 2010. 527 с.
- Мегилл, 2007 – *Мегилл А.* Историческая эпистемология. М.: Канон+, 2007. 480 с.
- Пэнто, 1996 – *Пэнто Л.* Философская журналистика // S/Λ'97. Социологос постмодернизма. Альманах Российско-франц. центра социол. исслед. ин-та социологии РАН. М., 1996. С. 30–56.
- Шейпин, 2015 – *Диар П., Шейпин С.* Научная революция как событие. М.: Новое лит. обозрение, 2015. 571 с.
- Bloor, 1976 – *Bloor D.* Knowledge and Social Imagery. L.: Routledge & Kegan Paul, 1976. 157 p.
- Daston, Galison, 2007 – *Daston L., Galison P.* Objectivity. N. Y.: Zone Books, 2007. 501 p.
- Dupré, 2012 – *Dupré J.* The Inseparability of Science and Values // *Dupré J.* Processes of Life. Essays in Philosophy of Biology. N. Y.: Oxford University Press, 2012. P. 55–69.
- Law, 2004 – *Law J.* After Method: Mess in Social Science Research. L.: Routledge, 2004. 196 p.
- Megill, 1994 – *Rethinking Objectivity* / Ed. by *A. Megill*. L.: Duke University Press, 1994. 342 p.
- Stengers, 1997 – *Stengers I.* Power and Invasion. Situating Science. L.: University of Minnesota Press, 1997. 270 p.

References

- Bloor D. *Knowledge and Social Imagery*. London: Routledge & Kegan Paul, 1976. 157 pp.
- Bourdieu P. “Role Nauki” [La champ scientifique], in: Bourdieu P. *Socialnoye prostranstvo: polya I praktiki* [Social Space: Fields and Practices]. Moscow: Aleteia, 2005, pp. 473–517. (In Russian)
- Daston L., Galison P. *Objectivity*. New York: Zone Books, 2007. 501 pp.
- Dear P., Shapin S. *Nauchnaya revolyutsiya kak sobyitiye* [Scientific Revolution as Event]. Moscow: NLO, 2015. 571 pp. (In Russian)
- Dupré J. “The Inseparability of Science and Values”, Dupré J. *Processes of Life. Essays in Philosophy of Biology*. New York: Oxford University Press, 2012, pp. 55–69.
- Law J. *After Method: Mess in Social Science Research*. London: Routledge, 2004. 196 pp.
- Markov A. *Rozhdeniye slozhnosti. Evolyutsionnaya biologiya segodnya: noezhidannye otkrytiya i novye voprosy* [The Birth of Complexity. Evolutionary Biology Today: Unexpected Discoveries and New Questions]. Moscow: Astrel', 2010. 527 pp. (In Russian)

Megill A. *Istoricheskaya epistemologia* [Historical Epistemology]. Moscow: Kanon, 2007. 480 pp. (In Russian)

Megill A. (ed.). *Rethinking Objectivity*. London: Duke University Press, 1994. 342 pp.

Pinto L. “Filosofskaya zhurnalistika”, [Philosophical journalism], in: *S/A '97. Socio-Logos postmodernisma* [The Socio-Logos of Postmodernism]. Moscow: Institut eksperimental'noi sotsiologii, 1996, pp. 30–56. (In Russian)

Stengers I. *Power and Invasion. Situating Science*. London: University of Minnesota Press, 1997. 270 pp.

Wartofsky M. *Modeli. Rerezentacija i nauchnoe ponimanie* [Models: representation and scientific explanation]. Moscow: Progress, 1988. 507 pp. (In Russian)